

МАРГАРИТА ЗАЙЦЕВА

БАГРОВЫЕ
ОСКОЛКИ
ЛУНЫ

Маргарита Зайцева

Багровые осколки луны

«Автор»

2026

Маргарита Зайцева

Багровые осколки луны / Маргарита Зайцева — «Автор», 2026

Вальпургиева ночь. Шабаш. Ведьмин час. Проклятая ночь. Дьявольский бал. Танец Аделаиды. Кровавое пиршество. Это время каждый называл по-разному. Каждый закладывал в название тот смысл, который был ему ближе всего — страх, ужас, опасное восхищение, жажда власти. Эту ночь ждали, как переход на новый этап жизни, как возрождение души и сбор урожая. Эту ночь опасались, как самого темного и зловещего леса, как заблудшей души, что скиталась по пустым улицам деревень и кличала родных. Эту ночь помнят мертвые. Эту ночь помнят ведьмы, демоны и все Сыны и Дочери самой Аделаиды. Ведь однажды в эту ночь свершилось кровавое благословение. Сама Богиня снизошла до мира живых и забрала чистую душу, подарив своему царству надежду... В эту ночь сама земля окропилась девичьей кровью, впитала ее последний вздох и открыла врата между миром живых и миром тьмы. Да взойдет Багровая луна на черный небосвод. Да окрасит она всю землю в алый. Да прольются реки крови. Да восстанет новая королева Гар-Адоса.

© Маргарита Зайцева, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аннотация	5
Эпиграф	6
Предисловие	7
Закат. Глава 1	8
Огонек	8

Маргарита Зайцева

Багровые осколки луны

Аннотация

Вальпургиева ночь. Шабаш. Ведьмин час. Проклятая ночь. Дьявольский бал. Танец Аделаиды. Кровавое пиршество.

Это время каждый называл по-разному. Каждый закладывал в название тот смысл, который был ему ближе всего — страх, ужас, опасное восхищение, жажда власти.

Эту ночь люди считали и проклятием, и благословением Богов, почитанием Смерти — самой жестокой и милосердной Богини Аделаиды.

Эту ночь ждали, как переход на новый этап жизни, как возрождение души и сбор урожая. Эту ночь опасались, как самого темного и зловещего леса, как шорох в ночной глуши, которому смертные не находили объяснения, как заблудшей души, что скиталась по пустым улицам деревень и кликала родных, звала их за собой.

Эту ночь помнят мертвые. Эту ночь помнят ведьмы, демоны и все Сыны и Дочери самой Аделаиды.

Ведь однажды в эту ночь свершилось кровавое благословение. Сама Богиня снизошла до мира живых и забрала чистую душу, подарив своему царству надежду...

В эту ночь сама земля окропилась девичьей кровью, впитала ее последний вздох и открыла врата между миром живых и миром тьмы.

Да взойдет Багровая луна на черный небосвод. Да окрасит она всю землю в алый. Да прольются реки крови. Да восстанет новая королева Гар-Адоса.

Эпиграф

«Любовь верна, хотя уста ее бледнеют,

Когда она парит под времени косой;

Любовь в течение лет не меркнет, не тускнеет

И часто до доски ведет нас гробовой.

Когда ж мои уста неправдой погрешили,

То значит — я не пел, а люди не любили!»

У.Шекспир, сонет 116

Предисловие

Об этом явлении ходит много легенд. Кто-то считает их мифом и совсем не верит в его существование. Кто-то днями напролет сидит в библиотеках и жадно изучает каждую из историй, пытаясь первым докопаться до истины. Что же касается нас, то тут все просто — мы не верим в распускаемые людьми слухи, мы знаем, как все было на самом деле...

Эта история стара, как мир, тверда, как горный алмаз. В ней нет ни сладкой лжи, ни проточной воды. Она чиста, как слеза младенца. Её голос тих, но его слышат все и везде. Она зовет всех. Она живет в каждом из нас. В каждом вздохе, в каждом мимолетном движении. Мы и есть эта история.

А началась она так...

Однажды, самой темной из ночей, на небо возшла Багровая луна. Лик Праматери самой Смерти. Зеркало, отражавшее облик Богини Аделаиды. От его яркого света весь лес внизу, каждую его тропинку, каждый кустик, каждую ягоду, еще не успевшую отпустить свой сок, заволокло алой дымкой. Реки крови заструились по промерзлой, твердой земле. Там, где не ступала нога смертного, прямо из-под земли, пробуждалась иная, темная, кровожадная жизнь.

В эту ночь те, кто жили вблизи густого черного леса Вичвуд, закрывали наглухо ставни, замыкали двери на замки и забивали все щели своих домов тряпками, топленным воском, всем, что только попадалось под руки. В эту ночь люди не просто прятались в своих домах от страшных легенд, которым их с детства пугали взрослые. В эту ночь смертные таились в своих деревянных крепостях от того, что с диким лаем, безумным воем, жутким смехом проносилось под окнами их домов. Люди прятались от своего страха, от того, что бродило под Багровой луной, от тех, кого смертные прозвали нечистью и Детьми самой Тьмы.

Ведьмы, вампиры, темные друиды, оборотни, демоны и даже лесные нимфы — все вылазили из своих укромных уголков, чтобы встретить ночь своего рождения. То тут, то там один за другим разжигались костры, адское пламя которых вспыхивало вверх, к небесам. Зловещий смех, дикий рев, волчий вой доносились со всех сторон. Песни детей Аделаиды разносились по всему лесу прямо до самой деревушки, где с наступлением темноты стояла мертвая тишина, ибо каждый ее житель знал непреложную истину: Багровая ночь — праздник нового Рождения, и стоит только потревожить темное веселье, издать хоть один звук, как Сыны и Дочери Богини Смерти придут за тобой.

Закат. Глава 1

Огонек

333 года до нашего эона¹

Империя Забытых снов,

На далеком западе, деревня Воронья Тишь

Закат. Розоватый. Огненно-красный. Языками своего яркого пламени окутал весь небосвод. Последний лучик солнца этого дня опустился на верхушки густых, сочно-зеленых деревьев, возвышавшихся над Воронью Тишью² непроходимой стеной. Небо было готово принять права наступающей ночи. И только измотанные работой, уставшие от домашних хлопот жители небольшой деревеньки не обращали никакого внимания на природную красоту — плавную смену дня и ночи.

Девушка, цвет чьих волос напоминал зажжённый в темные ночи факел, — и хоть ей это было строго запрещено, — сидела на крыше деревянного дома и провожала взглядом солнце. Легкий весенний ветерок ласкал ее румяное, поцелованное Богом Арсеором³ личико, играл с ее огненными прядями и развивал легкую ткань коричнево-оранжевой туники.

Подогнув ноги, Наира прижала обнаженные колени к груди и положила на них голову. Ее зеленый взгляд был обращен куда-то вдаль, за верхушки пылающих великанов-елей, дальше, чем простирался горизонт. Она будто хотела увидеть то, что Боги скрывали от ее смертного взора, от жизни простых людей таких, как она и ее тетя.

Тихая грусть коснулась ее лица, стоило солнцу полностью скрыться за деревьями и погрузить в сумерки часть темного леса, куда после захода дневного светила ни одна живая душа Вороньей Тиши не смела ступить.

Местные верили, что ночью там происходили странные вещи, объяснить которые они не могли. Знали лишь, что живым после ночной прогулки по чаще из леса никто не возвращался.

Одни, старики, твердили, что в лесу водиться нечисть, дети самой Богини Аделаиды⁴, подданные царства мертвых и теней. И что именно они заманивали невинных юношей и дев на свои пиршества, на которых и пили девственную кровь.

Другие, старухи, пугали девушек и детей рассказами о ведьмах и болотных нимфах, питавшихся красотой и юностью тех, кто заблудился в сумерках в лесу, или тех, кто на свою беду шагнул в темный лес. Говорят, ведьмы заманивали девушек на костяные тропы тихими песнями, что так напоминали им колыбельные матерей, а после, когда девушки подходили к их кострам слишком близко, заживо снимались с них кожу, выпивали кровь, внутренности в качестве угощения преподносили Богини Аделаиде, а кости бросали в костер, почитая своего повелителя Тьмы.

Третьи же, закоренелые мужики, охотники, кормившие дичью всю деревню, рассказывали, будто слышали, как их по именам звали красивые девушки, бегавшие от дерева к дереву в платьях из зеленой листвы. Нимфы и русалки звонко смеялись, пели, зазывали охотников

¹ Эон — эра (до нашей эры). Действия повести происходят задолго до действий дилогии «Восход кровавой короны»

² Воронья Тишь — название деревни, в которой и происходят действия повести.

³ Бог Арсеор — Бог солнца, золота и драгоценных камней. Покровитель ювелирного мастерства.

⁴ Богиня Аделаида — Богиня Смерти.

в свои чертоги, а после дурманили мужиков, насиловали их и убивали, принося их могучие сердца своей Богине.

Ходил и другой слух, о пропавших юношах, чьи сердца были полны решимости стать великими охотниками на нечисть и иных порождений тьмы. Матери и сестры тех юношей оплакивали горячими слезами их бледные, забитые ветками, камнями и иголками тела. Те, кто ушел в лес ночью побороть свой страх — редко когда возвращался живым и в своем уме.

Каждую из этих страшилок Наира знала наизусть. Она и сама могла деревенским девчонкам и мальчишкам рассказать такую историю, после которой никто из ее слушателей не мог уснуть несколько ночей под ряд.

Но сама она не боялась ни слухов про нечисть, ни самого темного леса, который по ночам становился зловещим и чужим.

Для нее лес был домом, а себя она в нем ощущала желанной гостьей. Она бродила меж толстых стволов, ловя сквозь листву солнечных мотыльков. Лежала на открытых полянах в густой изумрудной траве, умываясь первыми капельками росы. Но с наступлениями семерок в лес она не ходила. Не из-за чувства собственной безопасности. А из-за переживаний за здоровье своей тети.

Но как же эта мягкая темнота ночи манила ее в самую глубь леса, к его дикому, буйному сердцу.

Обреченно вздохнув, Наира устало прикрыла глаза и спрятала лицо в коленях.

«Почему? Почему ж ты так манишь меня? Почему зовешь только меня?» — мысленно спрашивала она у леса. — *Почему мучаешь меня?»*

Но лес молчал. Как и раньше он оставил ее вопросы без ответа.

И девушке ничего не осталось, как смириться с болезненной тяжестью в груди и на еще одну ночь выкинуть из головы идею броситься в неспешно темнеющую чащу.

— Бадьяна, ты где? — скрипящий голос нерадивой тетки резанул чуткий слух молодой мечтательницы.

Девушка вздрогнула всем телом и раскинула руки и ноги звездочкой, вцепившись в сухие балки крыши. Дерево тоскливо закричало под ее весом, но упасть на землю ей не позволило.

— Бадьяна? — кричала внизу женщина, кружа вокруг небольшого дома. — Где же носит эту негодницу?!

Тетя Сильвия. Она же троюродная сестра матушки Наиры, приютила сиротку, когда её сестра с мужем погибли от несчастного случая — карета родителей Наиры перевернулась по дороге из деревни в ближайший городок Дарнис. Если бы девочка в ту ночь ехала в карете с родителями, могилу следовало бы копать и для нее тоже.

Похороны семьи Наиры прошли в ее родном городке, после чего полная, суровая женщина грубо схватила трехлетнего ребенка за руку и увезла в свой домик в деревню, где и вырастила Ниару, как собственную дочь.

За пятнадцать лет женщина почти не изменилась. Ну может самую малость. Её некогда густые каштановые волосы поредели, в некоторых местах даже проглядывалась седина. За годы, которые она посвятила своей троюродной племяннице, тетя Сильвия сильно набрала вес — сказывались бессонные ночи и вечные заедания стресса. И только ее скверный, упрямый характер со временем окреп и ожесточился.

Единственное, что Наира уважала в своей тетке, был ее крепкий дух. Пока девочка росла, принося с собой множество хлопот, непроходимые головные боли и затяжные стрессы, женщина ни разу не взяла в руки бутылку со спиртовым настоем. Она медленно, но трезво справлялась с трудностями жизни и в своей грубой манере поднимала на ноги племянницу.

Но годы идут вперед, а дети растут. Вот и девушка из божьего одуванчика превратилась в дику, вечно искавшую на свою голову приключения бунтарку. Своим упрямством и непослушанием она то и дело доводила единственную родственницу до белого каления.

Что сказать? — просто два льва оказались не по своей воле запертыми в четырех стенах, в одной из самой маленькой деревеньки Империи Забытых снов. Ничего не обычного для этих краев.

Наблюдая за тем, как давно не молодая женщина кружила вокруг дома в поисках племянницы, Наира тихо посмеивалась на крыше. Ее забавляли подобные игры в прятки от родной тетки.

Но веселье девушки длилось не долго.

Остановившись прямо под местом, где сидела Наира, тетя Сильвия резко подняла голову.

На ее морщинистом лице недобро сверкнули карие глаза.

— Бадьяна, а ну бегом слезла с крыши и пошла поливать огород! — подбоченись, женщина испытывающе посмотрела на племянницу.

Скривившись от нелюбимого прозвища, которым ее называли все деревенские за цвет волос, что так напоминал языки пламени, девушка перестала хихикать и смахнула с плеча рыжую кудрявую прядь.

— Я его уже полила, Тетя Сильва, — тихий, словно шелест ветерка, голос отозвался с крыши.

— Ничего ты не полила, — не поверила ей женщина и всплеснула руками. Она всегда так делала, когда была чем-то недовольна. Зачастую недовольна она была из-за того, как ее племянница выполняла дела по дому. — Я только что с огорода — земля сухая, первые ростки помидоров пожелтели, про клумбы я вообще молчу.

Тетя Сильвия продолжала причитать о своем огороде и не замечала, как Наира привычно закатила глаза и улыбнулась уголками губ.

Девушка любила свою тетю и всегда во всем ей помогала. Но иногда, в такие минуты, как сейчас, когда тетка начинала отчитывать Наиру за невыполненное всего одно дело из целого списка дел, девушка не могла серьезно воспринимать ее речи и часто корчила гримасы. Не со зла. Скорее по привычке, что тянулась за ней с самого детства.

— Ты опять ерничаешь?! — заметив, что племянница ее не слушает, тетя Сильвия вспыхнула и дернув подол своего домашнего платья, направилась к деревянной лестнице, что примыкала к дому и вела прямо на крышу.

— Тетя, что вы делаете? — воскликнула Наира, наблюдая за тем, как ее добротная тетя хватается руками за старое дерево. — Не лезьте сюда, вы же потом не спуститесь! — забеспокоившись за безопасность своей тетки, девушка вскочила на ноги и, не боясь подцепить босыми пятками занозы, рванула к лестнице. — Я спускаюсь, спускаюсь, — повторяла она, молясь о том, что эта упрямая женщина не вздумала действительно за ней полезть.

— Ну сколько можно, а? — бурча себе под нос, Наира неспешно слезла с крыши. — Каждый день одно и то же. Стоит только присесть отдохнуть — всего на минуточку — как ей необходимо ворваться в мою тишину и заставить меня что-то делать, — ей осталось преодолеть меньше десятка ступеней, а ее тихое возмущение только начало набирать силу. — Вот почему нельзя всего на полчаса оставить меня в покое. Полчасика. Я разве так много прошу? — чем ближе она была к тетке, тем тише звучал ее голос. — Я ведь не забыла про полив. Я собиралась это сделать. Но чуть позже, — ее босые ступни коснулись прохладной земли. По ногам пробежали мурашки. Но девушка не спешила разжимать пальцы и отпускать лестницу, за которую держалась, как за спасительный канат. — Каждый день, одно и то же, одно и то же.

— Что ты там бубнишь? — недовольно спросила тетя Сильвия, наклоняясь к лицу племянницы. — Ах, ты маленькая паршивка! — не зло выругалась женщина, хватая Наиру за локоть, — Возмущаться на меня вздумала. Я тебе устрою кузькину мать, если еще раз услышу подобное, — тетя, причитая о скверном воспитании племянницы, потащила девушку в огород, где, всунув той в руки лейку и грабли, отошла в сторону и следила за тем, как Наира выполняет

свою работу. — На долгие годы запомнишь, как выражать свое недовольство в адрес родной тетки.

Угрозы, которыми тетка Сильва разбрасывалась в адрес дорогой племянницы, конечно же не воплощались в жизнь. Они слетали с губ женщины, как бранные слова, которыми деревенские разбрасывались налево и направо — было у жителей Вороньей Тиши поверье, что брань способна защитить их дома от нечисти и порождений Тьмы. Однако реальной угрозы от них не было никакой.

Это знала и тетя Сильвия, и сама Наира.

За столько лет жизни в одном доме они не просто выучили привычки друг друга, они знали, что и как будет говорить каждая в той или иной ситуации. И потому подобные вечерние стычки были их личным ритуалом, во время которого ни одна не злилась и не обижалась на другую.

Вот и сейчас, неспешно поливая огород, Наира больше не возмущалась на тетю. Она молча выполняла свои обязанности и тайно мечтала однажды убежать в лес и взглянуть на ночной небо из-под широких кронов елей.

Она как-то слышала от охотников, возвращавшихся поздним вечером из леса, что звезды в чаще видятся иначе, чем с крыш домов. Там, в темном лесу, сама жизнь текла иначе, медленнее, тягуче, захватывающе.

Она мечтала увидеть своими глазами тех, о ком поведано столько страшилок, столько легенд. Она хотела присоединиться к таинственному празднеству детей Богини.

И сама не понимала, откуда в ней, простой смертной девушке, зародилось такое странное, безумное желание.

Грустно вздохнув, Наира отставила в сторону лейку и вырыв неглубокую ямку, посадила в почву новый росток будущей оранжевой каллы.

— Зачем тебе туда? — тетя Сильвия, сидя на скамеечке у дома, распознала тоску во вздохе племянницы. — Там темно, холодно, там бродит нечисть, — каждый раз их разговор о лесе начинался одинаково. — Твое желание однажды тебя погубит, Наира, — только когда речи тети заходили о серьезных вещах, женщина называла племянницу ее настоящим именем.

— Я не знаю, тетя, — и каждый раз Наира отвечала неизвестностью. — Я чувствую, что должна пойти туда, должна войти во его темноту, — девушка коснулась ладонью груди и сжала пальцами ткань туники. Она сжала ее с такой силой, что ее костяшки побелели. Сжала пальцы так сильно, словно пыталась выпустить терзавшее чувство наружу, но не нашла иного способа кроме, как причинить себе физическую боль. — Знаешь, такое ощущение, будто меня там кто-то ждет... Кто-то, кто очень одинок, кому нужен друг...

— И тот, кто тебя может съесть, — покачала головой женщина. — Наира, там в лесу, в глухой чаще тебя ждет только одна Смерть. Если ты и кому-то там нужна только в качестве подношения Богине, — голос тети звучал настороженно. Женщина переживала о своей племяннице, о ее странной тяге к лесу, и никогда своего беспокойство от нее не скрывала. — Пойми, девочка моя, лес — не поле для игр молодой девушки. Он опасен, и не только нечистью, что там водиться, но и дикими зверями, зыбкими болотами, забытыми тропами. Лес — не место для прогулок, — стряхнув грязь с юбок, женщина неспешно встала с лавки и подошла к племяннице. — Пообещай мне, Наира, что ты никогда, ни при каких условиях не шагнешь ночью в лес.

— Тетя, я... — девушка хотела воспротивиться словам тети, но та ее перебила.

— Пожалуйста, Наира. Ради моего спокойствия. Пообещай мне это.

Опустив руки вдоль тела, Наира обреченно кивнула. В ее зеленых глазах промелькнуло огорчение, но она дала слово своей тете, что никогда не войдет под покровом ночи в лес.

— Вот и хорошо, — женщина облегченно выдохнула и обняла племянницу. — Доделывай эту грядку, и пойдем ужинать. А то уже поздно.

Поддерживающе похлопав девушку по ладошке, тетя Сильвия ушла в дом.

А Наира осталась одна посреди небольшого огорода и темноты, что для всех жителей деревни была кошмаром, а для нее — материнскими объятиями.

Последних девушке очень не хватало в последнее время.

— Я не знаю, что делать, мама, — прошептала Наира, закусывая губу, чтобы не всхлипнуть вслух. По ее веснушчатой щеке прокатилась одинокая слеза. — Помоги мне разобраться в этом, мама. Помоги понять, почему из всех девушек нашей деревни, только я одна рвусь в темный лес? Почему он так манит меня? Почему я слышу, как стонет его сердце? — девушка упала на колени, не обратив внимания на холод, исходящий от влажной земли и коснувшейся ее обнаженно кожи. — Что со мной не так?

Ответом ей стал тихий шепот вечернего ветра, слова которого она распознать не смогла.